

© 2017 г.

С.В. ЛИСТИКОВ

АМЕРИКАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И «РУССКАЯ ТЕМА» В КОМПЬЕНСКОМ ПЕРЕМИРИИ

Листиков Сергей Викторович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

8 ноября 1918 г. в Компьенском лесу, в своем поезде маршал Ф. Фош встретил немецкую делегацию во главе с М. Эрцбергером словами:

«– Чего вы хотите, господа?»

– Мы хотим получить Ваши предложения о перемирии.

– О, у нас нет никаких предложений о перемирии, – сказал Фош. – Нам очень нравится продолжать войну.

Германские делегаты посмотрели друг на друга.

– Но нам нужны ваши условия, – убеждали они. – Мы не можем продолжать борьбу.

– Ах, так вы, значит, пришли просить о перемирии? Это другое дело!»¹.

Так участники событий конца 1918 г., а вслед за ними и ученые изображали яркий момент начала диалога, приведшего к долгожданному окончанию войны. Однако за показом приближавших его событий на фронте и в тылу враждовавших коалиций, содержания и последствий перемирия как-то уходили в тень длившиеся более месяца, наполненные драматизмом дипломатические переговоры сторон. В трудах отечественных исследователей вопросы участия в достижении перемирия американской дипломатии, как и «русской темы» в нем, еще убедительно не прозвучали².

В исследованиях американских ученых первый из названных сюжетов рассматривался подробно, как важный этап, «готовивший» Парижскую мирную конференцию 1919–1920 гг. А вот «русской теме» в том ее виде, как она была представлена в условиях Компьенского перемирия, как правило, не уделяли должного внимания. Впрочем, в известной монографии Дж. Томпсона этот сюжет получил хотя и краткое, но достойное освещение³.

¹ *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары, т. VI. М., 1936, с. 172.

² Как серьезный вклад в раскрытие проблемы подведения итогов войны и места в нем Компьенского перемирия отметим разделы В.Н. Виноградова и В.Л. Малькова в трудах «Мировые войны XX века» (кн. I: Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002, с. 600–624; Война и общество в XX веке, кн. I: Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008, с. 542); а также главы 11, 13 в работе «Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации. М., 2014.

³ *Mayer A.* Politics and Diplomacy of Peacemaking. Containment and Counterrevolution at Versailles 1918–1919. London, 1967, p. 55–74, 78–84, 90–100; *Rudin H.* Armistice 1918. New Haven, 1944; *Thompson J.* Russia, Bolshevism and the Versailles Peace. Princeton, 1966, p. 20–32; *Walworth A.* Woodrow Wilson, v. 2. Boston, 1965, p. 180–198.

В ряде серьезных монографий, посвященных проблемам послевоенного мирного урегулирования и русско-американских отношений, тема, ставшая предметом исследования данной статьи, обозначена лишь пунктиром. См.: *Saul N.* War and Revolution: The United States and Russia, 1914–1921. Lawrence, 2001, p. 347; *MacMillan M.* The Peacemakers. The Paris Conference of 1919 and Its Attempt to End War. London, 2002, p. 27–28, 167–168, etc.

События на фронтах во второй половине 1918 г. решительно изменили ход войны. За неудачей весенне-летнего немецкого наступления (армия потеряла до 800 тыс. чел. убитыми, ранеными и пленными) последовали контрудары войск Антанты и США, в конце сентября—октябре переросших в их общее наступление. Превосходство антигерманской коалиции становилось более очевидным⁴. Это было связано и с началом с весны 1918 г. полномасштабного участия в боевых операциях войск США, что стало результатом энергичного военного строительства, подготовки солдат к условиям современной войны и переброски их в Европу⁵. И это в дополнение к потоку товаров и кредитам, которые США предоставляли союзникам.

В Германии, наоборот, истощение материальных и людских ресурсов, ухудшение жизни народа обуславливали военное поражение, национальную катастрофу и, не исключено, революционный взрыв. Уже в середине августа первый генерал-квартирмейстер верховного военного командования Э. Людендорф высказывал мысль, что с учетом положения на фронте надлежало добиваться мира дипломатическим путем; 29 сентября он и начальник Генерального штаба П. Гинденбург признали, что армия начинает выходить из повиновения и единственный путь к спасению — немедленные переговоры о перемирии⁶.

При этом разлагающее влияние «русского фактора» на состояние германской армии ощущалось весьма существенно. Высшие военные возражали против переброски войск с занятых земель на востоке, особенно с Украины, для усиления Западного фронта. И не только потому, что нужно было обеспечивать отpravку оттуда продуктов питания, но и потому, что немалая часть солдат возвратилась, «зараженная» революционными идеями.

Размышляя о приемлемых для Германии условиях перемирия, Людендорф считал возможным не поднимать вопроса о выводе войск с захваченных территорий бывшей Российской империи. В таком случае они могли попасть под контроль большевиков. А в этом страны Антанты были заинтересованы не больше, чем сами немцы. «Заграждение, направленное против большевиков, сохраняло свое прежнее значение», — писал Людендорф впоследствии⁷.

Осенью 1918 г. Берлин настойчиво искал «посредника», использование которого позволило бы добиться почетного мира. При этом достойно смотрелась и кандидатура президента США — страны, сражавшейся в рядах враждебной коалиции. От заокеанского миротворца и либерала, на протяжении войны не раз заявлявшего, что к немецкому народу он вражды не питал, добивался «справедливого мира для всех» ее участников, Германия могла ожидать более снисходительного отношения⁸.

⁴ История Первой мировой войны 1914—1918. М., 1975, т. 2, с. 440—510; Мировые войны XX века, кн. I, с. 580—592, и др.

⁵ Весной 1917 г. численность американской армии едва достигала 200 тыс. чел. На 11 ноября 1918 она превысила 4 млн, из которых более 2 млн находились в Европе (см.: Война и общество в XX в., кн. 1, с. 329—333; *Kennedy D.M.* Over Here: The First World War and American Society. New York, 1980, p. 17—18, 144—191, 191—241).

⁶ *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. 2. М., 1924, с. 243. 273—275; *Драбкин Я.С.* Ноябрьская революция в Германии. М., 1967, с. 38—48; *Rudin H.* Op. cit., p. 50—51.

⁷ *Людендорф Э.* Указ. соч., т. 2, с. 283; *Thompson J.* Op. cit., p. 21—22. Вождь большевиков В.И. Ленин в конце августа 1918 г. оценил ситуацию: «Подавление революции в красной Латвии, Финляндии и на Украине стоило Германии разложения армии. Поражение Германии на Западном фронте было вызвано в значительной степени тем, что старой армии в Германии уже не существует» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 75).

⁸ Так, 27 сентября 1918 г. В. Вильсон выступил с речью, в которой в дополнение к «14 пунктам» назвал еще несколько условий, чье осуществление обеспечило бы немецкому народу «беспристрастный и справедливый» мир. Наиболее значимым был отказ в будущем от «эгоистических экономических комбинаций» великих держав против третьих стран (имелась в виду возможность объединения союзников, способных нанести ущерб и Германии, и США). См.: An Address in the Metropolitan Opera House. September 27, 1918. — *The Papers of Woodrow Wilson*, v. 51. Princeton, 1985, p. 127—133 (далее: PWW), а также *Link A.* Woodrow Wilson. Revolution, War and Peace. Arlington Heights (Ill.), 1979, p. 79—85.

Сделав выбор в пользу Вашингтона, в Берлине учли ту принципиальную позицию хозяина Белого дома, что он будет говорить о мире только с представляющим парламентскую оппозицию правительством. 3 октября в Германии было создано правительство Макса Баденского, в которое вошли представители партий Центра, социал-демократической, прогрессивной⁹. В ночь на 4 октября В. Вильсону была направлена телеграмма с просьбой начать переговоры о мире и ускорить немедленное заключение перемирия на основе «14 пунктов» (как выяснилось позднее, рукой Макса Баденского водили Гинденбург и Людендорф)¹⁰.

Такое обращение создавало для президента США как богатые возможности, так и немалые трудности. Казалось, «звезды сошлись», Вильсону выпал шанс завершить кровавую тяжбу народов и обрести их доверие. Его идеи достижения справедливого «мира без войн», уже завоевавшие сердца миллионов, могли «конвертироваться» в реальную политику. Под ними подписались пусть и готовые признать себя побежденными в войне, но весьма влиятельные в мировой политике страны, возлагавшие надежды именно на США. С учетом поддержки вильсоновских идей в странах союзников, президент мог рассчитывать на успех в борьбе за реализацию своих внешнеполитических планов, прежде всего на вступление в клуб великих держав.

С другой стороны, обращение стран Четверного союза к президенту США с просьбой о перемирии¹¹ не могло не усложнить его отношений с лидерами Антанты. Они справедливо считали, что их державы вынесли на себе основное бремя войны и, безусловно, имели приоритет в определении условий ее завершения. Германское послание было воспринято и «верхами», и широкими слоями населения в странах Согласия не иначе как коварная интрига, нацеленная на раскол антигерманской коалиции. Вильсон не мог игнорировать и подъем мощной консервативной, националистической волны, захватившей осенью 1918 г. США, рост влияния в стране республиканской оппозиции во главе с видными политиками — сенаторами Э. Руттом, У. Пойндкестером, У. Хейзом, бывшим президентом Т. Рузвельтом и другими. И в США, и в странах Антанты отовсюду звучали призывы разгромить противника, «повесить кайзера» и навязать Германии мир настолько тяжелый, чтобы она не смогла повторить содеянное народам зло¹².

Так что заокеанскому лидеру пришлось искать меру допустимых жесткости и милосердия по отношению к поверженному врагу. Он не мог допустить и полного

⁹ «Принц был своего рода салонным либералом, и поддержка рейхстага придавала новому правительству некоторое подобие парламентаризма», — не без иронии отметил ближайший советник президента США полковник Э. Хауз (Архив полковника Хауза (дневники и переписка с президентом Вильсоном и другими политическими деятелями за период 1914—1919 гг.), т. 4. М., 1944, с. 57). См. *Драбкин Я.С.* Указ. соч., с. 48—49.

¹⁰ *Ключников Ю.В., Сабанин А.В.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. 2. М., 1926, с. 178. Видный деятель германской социал-демократии Ф. Шейдеман запечатлел слова Макса Баденского, сказанные 21 октября: «Я послал ноту, потому что главное командование прямо принудило меня к этому» (*Шейдеман Ф.* Крушение Германской империи. М. — Пг. 1923, с. 247—248).

¹¹ Отметим, что вслед за Германией с обращениями к президенту США о перемирии поспешили обратиться Австро-Венгрия и Турция (Болгария «дезертировала» ранее, 29 сентября, заключив перемирие с антантовскими военными). Но Вильсон дипломатично предоставил разбираться с этими странами державам Антанты, видимо, рассчитывая на их ответную благосклонность на стратегическом направлении заключения перемирия с Германией. Перемирия на самых тяжелых для Турции и Австро-Венгрии условиях были достигнуты 30 октября и 3 ноября, соответственно (см. *Мировые войны XX века*, кн. 1, с. 603—605).

¹² Передавая Вильсону господствовавшее в американском обществе мнение по поводу германской просьбы о перемирии, его секретарь Дж. Тумулти отметил: ответом мог быть только «безоговорочный отказ». В частности, влиятельная газета «Springfield Republican» не постеснялась заявить: «Даже г-н Вильсон не столь слабоумен, как кайзер мог себе однажды это вообразить» (J. Tumulty to W. Wilson. Oct. 8, 1918. — PWW, v. 51, p. 266—267).

разгрома Германии, исходя из идейных, и из прагматических соображений. Унижение Германии не вписывалось в вильсоновские планы послевоенного мироустройства. Следовало также воспрепятствовать сползанию немецкого общества к революционному хаосу по «русскому образцу». Нельзя было ожесточить ни «своих», ни европейских либералов и консерваторов. И при этом, как подсказывал президенту Э. Хауз, нужно было сохранить в руках американской дипломатии инициативу переговоров, но без принятия скоропалительных решений, вести диалог с Берлином не торопясь, с оглядкой на союзников¹³.

Вильсон действовал именно в таком ключе. Он направил 8, 14 и 23 октября послания в Берлин с изложением требований, выполнение которых делало достижение перемирия возможным. Германии предлагалось принять «14 пунктов» как основу для его заключения. Она обязана немедленно вывести войска с захваченных чужих территорий. Немецкие войска должны были прекратить боевые операции: «Не может быть достигнуто перемирие, пока не будет предусмотрено абсолютно удовлетворительных мер предосторожности и гарантий сохранения нынешнего военного превосходства армии Соединенных Штатов и союзников на полях сражений», — говорилось в послании Вильсона от 14 октября. Наконец, Вильсон давал понять, что страны Антанты и США будут вести диалог только с истинно демократическим, представляющим германский народ правителями, а не с милитаристской верхушкой, ввергшей человечество в кровавую бойню¹⁴.

Ответы берлинских властей на требования Вильсона, последовавшие 12 и 20 октября, с учетом менявшегося на фронте положения не в пользу Германии и нараставшего в стране народного недовольства, не могли, казалось, вызывать разночтений. «Продолжительная конференция в Белом доме, — записал морской министр в дневнике 21 октября. — В. В[ильсон], Лансинг, Бейкер, Д. Д. (сам Дж. Дэниэлс. — С.Л.), П. Марч (начальник штаба американской армии. — С.Л.). Общее мнение таково, что Германия приняла требования Вудро Вильсона»¹⁵. Впоследствии У. Черчилль воздал должное мастерству Вильсона во время подготовки перемирия: «Он использовал все преимущества своего положения как по отношению к неприятелям, так по отношению к союзникам и таким образом взял на себя и выполнение всей задачи и всю ответственность. Он отказался передать союзникам просьбы отчаявшегося врага, пока не убедится в их искренности. С немцами он держался чрезвычайно строго и мастерски пользовался оружием проволоочек»¹⁶.

В требованиях президента «русская тема» прозвучала лишь однажды: германские войска должны были очистить оккупированные ими русские земли. Думается, не менее занимала Вильсона проблема укоренения в России и распространения в странах Европы большевизма¹⁷. В США эту новую угрозу леворадикального переустройства мира разглядели уже в конце 1917 г.¹⁸ Но серьезно заняться ею смогли не ранее, чем одержали победу над Германией.

К этому моменту большевики, несмотря на многократные предсказания их падения и попытки их свержения врагами внутренними и иноземными (начатая союзниками весной 1918 г. интервенция), уже год удерживали власть в Центральной России.

¹³ Архив полковника Хауза, т. 4, с. 58–59.

¹⁴ Там же, с. 64–66; *Никольсон Г.* Как делался мир в 1919 г. М., 1945, с. 30–31. Послания Вильсона Берлину см.: PWW, vol. 51, p. 263–265, 333–334, 416–417.

¹⁵ From the Diary of J. Daniels. Oct. 22, 1918. — PWW, v. 51, p. 403.

¹⁶ *Черчилль У.* Мировой кризис. М. — Л., 1932, с. 61

¹⁷ О внешней политике руководства большевиков после их прихода к власти в России, их заряженности на осуществление идеи «мировой революции» см.: *Нежинский Л.Н.* В интересах народа или против них? Советская международная политика в 1917–1933 гг. М., 2004; Советская внешняя политика в ретроспективе. 1917–1991. М., 1999, с. 3–37; *Debo R.* Survival and Consolidation: The Foreign Policy of Soviet Russia, 1918–1921. Montreal etc., 1992, etc.

¹⁸ Известный либеральный журналист Л. Колкорд уже в начале декабря 1917 г. отмечал, что большевики весьма агрессивны и попытаются «навязать социальную революцию народам, которые коренным образом к ней не готовы» (L. Colcord to W. Wilson, Dec. 8, 1917. — PWW, v. 45, p. 250–253).

Это говорило об устойчивости режима и немалой народной поддержке. Их идейное влияние на взбудораженные войной народы мира было значительным. Поддержка большевиками России «красных» во время гражданской войны в Финляндии в 1917–1918 гг. свидетельствовала, что они были готовы на штыках нести идею «мировой революции» другим народам¹⁹.

Опасность распространения большевизма, особенно в странах Европы, правившие там элиты не могли не увязывать с усилением рабочего движения и его радикализацией, всплеском стачечной активности, ростом привлекательности социалистических идей и кристаллизацией левых течений в социалистических партиях. Всё это накладывалось на переживавшиеся народами процессы трансформации и неустроенности: рушились империи, нарождались новые национальные государства, возникали неопределенность границ и острые этнические конфликты, социально-политическая турбулентность, в немалой степени порожденная ухудшением жизни миллионов простых граждан и их возраставшим участием в политической борьбе и движениях.

За опасными для стабильности стран Старого Света тенденциями пытались проследить американские дипломаты и политики. Молодой сотрудник госдепартамента У. Буллит в первой половине октября делал акцент на изучении чреватых революционным взрывом событиях в Германии. В документе от 4 октября Буллит отмечал, что появившиеся после образования правительства Макса Баденского надежды на либерализацию режима едва ли смогут оправдаться полностью. Отчасти потому, что кайзер и высшие военные верхи по-прежнему сохраняли в руках рычаги власти и могли все обратить вспять. Другая опасность, угрожавшая правительству Макса Баденского, в чем тот сам признавался — распространение большевизма по всей Европе.

Буллит задавался вопросом: как должны повести себя США в этих обстоятельствах? — и не находил однозначного ответа. Он полагал, что серьезный диалог с правительством Германии был возможен только после перехода его под контроль народа. А с другой стороны, предупреждал Буллит, любая затяжка переговоров была чревата усилением народного недовольства, движения за мир и на этой волне ростом влияния крайне левых. Это в свою очередь могло отразиться и на соотношении сил внутри социалистического движения стран Антанты, нежелательном для их правительств²⁰.

Неизвестно, попал ли этот документ через госсекретаря Р. Лансинга на стол президенту. Но он размышлял в том же ключе. В интервью 16 октября 1918 г. близкому Белому дому британскому разведчику и дипломату У. Вайзману он раскрыл ход своих мыслей (англичанину предстояло донести их до членов британского военного кабинета). Президент заявил: если мы «унизим немецкий народ» и доведем его до крайности, то в Германии может быть утрачена «любая форма управления» и «ее место займет большевизм». А дальше эта зараза, поразив центр Европы, распространится по всему миру. Президент был не на шутку встревожен даже за будущее США: «Дух большевизма затаился везде, и нет для него более питательной почвы, чем усталость от войны. Весь мир охвачен недовольством. Симптомы его есть и в этой стране (США. — С.Л.), хотя они еще и не стали опасными»²¹.

Не менее тревожила Вильсона и казавшаяся реальной перспектива русско-германского сближения. Выбор для находившейся на грани поражения, но не утратившей значительной части своего экономического и военного потенциала Германии в качестве партнера «отверженной» союзниками и США большевистской России мог казаться вполне прагматичным. Причем вне зависимости от того, какие силы пришли бы к власти в Германии в результате военных поражений и внутренних потрясений. Случись в Германии самый неблагоприятный из возможных сценариев, победы Союз

¹⁹ См. *Новикова И.Н.* Великое княжество Финляндское в годы Первой мировой войны: от автономии к независимости. — Война и общество в XX веке, кн. 1, с. 208–230.

²⁰ См. *Mayer A.* *Op. cit.*, p. 62–63.

²¹ A Memorandum by Sir W. Wiseman. Notes of an Interview with the President at the White House. Oct. 16, 1918. — PWW, v. 51, p. 347.

Спартака во главе с К. Либкнехтом, его альянс с большевиками в России казался бы естественным. Да и с любым другим немецким правительством даже более умеренной ориентации «русские товарищи», казалось, могли успешно искать ответы на внешнеполитические вызовы и «дружить» против общего врага — победителей в мировой войне. Уж если Ленин смог, чтобы сохранить власть, договориться с кайзеровским режимом («первый Брест»), то почему бы за ним не последовать и «второму»? Немецкая страсть к порядку и организованности, казалось, могла сотворить чудо, обуздать даже русский хаос, поставив себе на службу необъятные природные и людские богатства России, превратив будущее Европы в кошмарное ожидание реванша двух «униженных и оскорбленных» держав, помнивших о своем былом величии.

В начале ноября посол США в Италии Томас Н. Пейдж размышлял именно об этом в письме президенту. Он считал, что державам, еще не успевшим «оформить» победу, уже следовало задуматься о недопущении нового этапа экспансии Германии, превращения ее вновь в «угрозу всему миру». А для этого следовало перекрыть любые возможности использования ею России. Дипломат был обеспокоен усилением немецкого финансового и экономического влияния в окраинных районах бывшей Российской империи, в Украине и прибалтийских землях²².

Президент сам осознавал всю остроту проблемы, но пока не мог нащупать решения и, казалось, оставался пассивным. В упомянутом интервью 16 октября В. Вайзман попытался полемизировать с Вильсоном, считавшим, что самый сложный «русский вопрос» придется отложить до мирной конференции. Англичанин же полагал, что следует действовать решительно, поскольку сценарий событий на «русской сцене уже писался немцами и там работали силы, которым потом будет «трудно, если не невозможно, помешать». Президент признал, что такая мысль и ему не давала покоя. Однако, считал он, германское влияние в России вообще «искоренить невозможно»; оно пустило слишком глубокие корни. Сотни и тысячи немцев десятилетиями приезжали в Россию, обрусели, взяли русские имена, констатировал президент. Все же Вайзман надеялся, что с учетом развития ситуации в России Вильсон изменит свою позицию²³.

Отметим, что в сентябре—октябре В. Вильсон был сам расположен усматривать в успехах большевиков «германский след». 20 сентября он исправил и одобрил подготовленный Р. Лансингом документ, осуждавший «красный террор» и выражавший поддержку антибольшевистским силам России. А затем дал «зеленый свет» публикации «документов Сиссона», где утверждалось, что большевики действовали на немецкие деньги²⁴.

Размышляя над «русской темой» в контексте поиска подходов к достижению перемирия с Германией, президент посчитал необходимым заручиться поддержкой кабинета. 22 октября состоялось двухчасовое его заседание. Лейтмотивом выступлений министров финансов У. Мак-Аду, военного — Н. Бейкера, внутренних дел Ф. Лейна и других был тот, что если перемирие и возможно, то следует максимально учесть интересы США и союзников; прислушаться к мнению страны и продиктовать врагу самые жесткие условия, что никакие переговоры с ним не уместны.

Вильсон отстаивал свою линию. Он полагал, что союзники, особенно военные, горят желанием добить врага и не остановятся, пока «не достигнут Меца и Страсбурга». Одним из его аргументов против «уничтожения и разрушения» Германии был тот, что нельзя допустить распространения в ней большевизма и создать положение, когда придется «спасать немцев от немцев».

Разумное решение вопроса Вильсон видел в справедливом отношении к поверженному противнику (что не отрицало жестких мер по отношению к нему), в признании

²² Th. N. Page to W. Wilson. Nov. 5, 1918. — PWW, v. 51, p. 602.

²³ A Memorandum by Sir W. Wiseman... Oct. 16, 1918. — PWW, v. 51, p. 350—351.

²⁴ Foglesong D. America's Secret War against Bolshevism. Univ. of North Carolina Press, 1995, p. 171.

Как выяснилось впоследствии, «письма Сиссона» оказались хорошо сработанной фальшивкой. См. Мальков В.Л. «О документах Сиссона» (находки в архивах США). — Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994, с. 280—289.

«14 пунктов» основой для перемирия. Такой подход позволял в полной мере учесть интересы США; они получали хорошую возможность влиять на позицию стран Антанты и не допустить «крайностей». Немцы же, убедившись в непредвзятом отношении к себе со стороны победивших демократий, приняли бы их решение, тема возможного реванша оказалась бы снята. Так должен был быть обеспечен длительный мир²⁵. Всё же президент был склонен идеализировать открывавшиеся перед миром в связи с достижением перемирия перспективы.

О содержании своей переписки с руководством Германии Вильсон официально известил державы Согласия не ранее 23 октября 1918 г.²⁶ (при том, что Вашингтон и европейские партнеры «сверяли часы» по разным, включая кабельные, каналам связи). Чтобы наладить более тесное взаимодействие, 18 октября в Европу из Вашингтона отбыл дипломатический «десант»: в Лондон выехал У. Вайзман, в Париж с особыми полномочиями — Э. Хаузу.

Добравшись до места назначения 26 октября, он взялся за решение главной задачи: добиваться от союзников признания «14 пунктов» в качестве политической платформы для перемирия. Решение ее было сложным. Лидеры Антанты были не в восторге ни от претензий Вильсона на роль «миротворца № 1», ни от проявленной им самостоятельности в диалоге с Германией. Не имея о них детальной информации, европейские партнеры занялись составлением своего варианта перемирия, прежде всего его военных статей (как рабочий орган был использован созданный в 1917 г. Высший военный совет Антанты). Можно было предположить, что условия антантовских политиков и военных, и прежде всего французов — Ф. Фоша, генерала А. Петена, председателя совета министров Ж. Клемансо — покажутся Э. Хаузу и В. Вильсону чрезмерно жёсткими²⁷. Но самое главное, европейцев терзали смутные сомнения по поводу «14 пунктов». Одно дело, когда эта привлекательная, «прогрессивная» и расплывчато сформулированная программа была знаменем «прогрессивных демократий» в борьбе с Германией. Теперь же заокеанский лидер захотел положить их в основу реальной политики. Поэтому англичан волновало, не имеет ли целью п. 2 «о свободе морей» лишить Великобританию права использовать против противников оружия морской блокады? Французы опасались, что Вильсон с его «стремлением к справедливому миру для всех» лишит Францию и Бельгию достойной компенсации за причиненный им Германией ущерб. А министр иностранных дел Италии С. Соннино вообще высказался в том плане, что перемирие должно содержать только военные статьи, и «14 пунктов» здесь вообще ни при чем²⁸.

Э. Хаузу пришлось искать компромисс, проявляя и жёсткость (споры разгорались порой не на шутку²⁹), и необходимую уступчивость. В поисках взаимоприемлемых решений советник президента попросил известных журналистов Ф. Кобба и У. Липп-

²⁵ A Memorandum of F.K. Lane. Oct. 23, 1918. — PWW, v. 51, p. 413–416; From the Diary of J. Daniels. Oct. 22, 1918. — Ibid., p. 412.

²⁶ См.: Архив полковника Хауза, т. 4, с. 66; *Никольсон Г.* Указ. соч., с. 31.

²⁷ См.: Архив полковника Хауза, т. 4, с. 86–87, 109–111; *Тардые А.* Мир. М., 1943, с. 55–63; *Фош Ф.* Воспоминания (война 1914–1918 гг.). СПб., 2005, с. 475–486; *Прицкер Д.П.* Клемансо. М., 1988, с. 230–231; *Fowler W.* British-American Relations, 1917–1918: The Role of Sir William Wiseman. Princeton, 1969, p. 223.

²⁸ Архив полковника Хауза, т. 4, с. 96–97, 97–103, 123–124, 126–129 и др.; *Тардые А.* Указ. соч., с. 63–64; *Lentin A.* Lloyd George, Woodrow Wilson and the Guilt of Germany. Baton Rouge, 1984, p. 10; *Trask D.* The United States in the Supreme War Council. Westport (Conn.), 1961, p. 166–169.

²⁹ Несговорчивость Д. Ллойд Джорджа во время обсуждения 29 октября вопроса о «свободе морей» (п. 2 вильсоновской программы) вызвала ответную реакцию Э. Хауза, заявившего: «Президенту не останется ничего другого, как заявить неприятелю, что его условия не были приняты союзниками. Тогда возникает вопрос, не придется ли Америке договориться по этим вопросам непосредственно с Германией и Австрией». Клемансо не удержался от вопроса: «Не хочет ли полковник Хаузу этим сказать, что Соединенные Штаты Америки заключат сепаратный мир с неприятелем? Хаузу ответил: «дело может дойти [и] до этого» (*Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах, т. 1. М., 1957, с. 74–75; *Trask D.* Op. cit., p. 166).

мана написать комментарии к вильсоновской программе — что, как представляется, существенно расширяло рамки их толкования союзными дипломатами, одновременно создав почву для будущих дискуссий и разночтений³⁰.

Комментарии коснулись, естественно, и «русской проблемы». В программе от 8 января (п. 6) президент выдерживал линию на сохранение единого государства российского и воздержался от выражения благосклонного внимания к идее самоопределения национальностей на его территории. Но прозвучала и та мысль, что переживавшей период внутренней смуты России предстоит определиться со своей национальной политикой. Вильсон высказывался за воссоздание независимого польского государства со включением в него земель (Царства Польского), которые до войны входили в состав Российской империи (п. 13)³¹. Недосказанность вильсоновских мыслей, обтекаемость формулировок создавали почву для самых широких толкований идей заокеанского лидера.

Острая тема получила развитие в октябре 1918 г. В пространном комментарии Ф. Кобб и У. Липпман «срисовали» ту ситуацию, которая сложилась на пространствах государства Российского в условиях Гражданской войны³². Авторы документа сразу ставили точки над *i*, задаваясь вопросом: является ли русская территория синонимом понятия территории, принадлежавшей прежней Российской империи? С учетом очевидной перспективы возрождения самостоятельной Польши напрашивался отрицательный ответ. Но тогда то, что признано правильным для поляков, придется признать таковым для финнов, литовцев, латышей, «а может быть, и для украинцев», — настаивали авторы. Кавказ следовало бы рассматривать как часть проблемы Турецкой империи. Не располагая достаточной информацией о положении в «мусульманской России», коротко говоря, Средней Азии, авторы документа осторожно предполагали: весьма возможно, что на нее придется предоставить «какой-нибудь державе ограниченный мандат для управления на основе протектората».

Так что перспективы для экспансии на просторах бывшей Российской империи для держав-победителей открывались весьма широкие. И в то же время в документе звучала неуверенность в прогнозе, порожденная прежде всего неясностью ситуации на той огромной территории, о которой шла речь. Язык комментариев изобилует недомолвками и использованием сослагательного наклонения. Авторы пытались «подсказать» западным политикам, с какими «подводными камнями» они могут встретиться на пути. На землях нарождавшихся и восстанавливаемых государств, а также между ними могли возникнуть острые национально-территориальные конфликты. Можно было ожидать обострения отношений между латышами и немцами (в Курляндии), между поляками — и литовцами, белорусами и особенно украинцами в Восточной Галиции. Причем нередко этнотерриториальные проблемы осложнял и социальный аспект, поскольку столкновения выражали «отношения помещика и крестьянина».

Всё же Кобб и Липпман призывали: если уж западные политики, преодолев колебания, будут исходить из факта распада российского государства, то следует действовать решительно. Нужно признать временные правительства финнов, эстонцев,

³⁰ Приведем важное мнение британского дипломата Г. Николсона, вполне резонно объяснявшего расхождениями в содержании комментариев советников Э. Хауза с «14 пунктами» разное понимание условий перемирия американскими, союзными и германскими дипломатами: «Глубоко уважая полковника Хауза... всё же признаю, что его “комментарии” грешат весьма нежелательной неясностью. Не на базе ли этих комментариев союзники приняли 14 пунктов... как основу будущего мирного договора? Если так, то следовало информировать об этом враждебные державы» (*Никольсон Г.* Указ. соч., с. 33).

³¹ An Address to a Joint Session of Congress, 8 Jan. 1918. — PWW, v. 45, p. 534–539; в русском варианте — Речи Президента Вильсона. Условия всеобщего мира, предложенные Американским Президентом Вильсоном. Речь в конгрессе 8 января 1918 г. Американское бюро печати. М., 1918 г., с. 8–10.

³² Архив полковника Хауза, т. 4, с. 151–153.

литовцев, украинцев де-факто и оказать им поддержку. И при этом следует, определяя границы государств, в первую голову учитывать мнение «основной национальности», а не «имущественного класса».

Наконец, Липпман и Кобб добивались до вопроса о будущем «Сибири и Велико-россии», перспективы которых в связи с разгоравшейся там войной между большевиками и их противниками были очень неясными. А потому весьма неопределенно звучал прогноз авторов: будущей мирной конференцией следовало бы обратиться с посланием, в котором бы предлагалось создать правительство, достаточно представительное, чтобы выступать от имени этих территорий. В случае, если у него будут достаточные полномочия, оно могло бы быть представлено на конференции и ему следовало бы оказать помощь в «экономическом восстановлении». Несмотря на туманность формулировок, мысль Липпмана и Кобба была понятна: на мирной конференции представителям «Сибири и Велико-россии» предлагалось в обмен на «помощь» принять предложенные державами-победительницами изменения национально-территориального устройства Российского государства, фактически признав свою вассальную от них зависимость.

Эти весьма неблагоприятные для будущего России замыслы были смягчены заявлениями о том, что следует отменить «мошеннические» Брест-Литовский и Бухарестский мирные договоры.

Отметим, что Э. Хауз с комментариями экспертов был в целом согласен. Советник президента немедленно сообщил их содержание и ему, и европейским лидерам. Вильсон, поставленный перед фактом, ответил в присущей для себя обтекаемой манере, что нашел комментарий целом удовлетворительными, хотя их следовало рассматривать только как «примерные предложения (illustrative suggestions)». Все же Вильсон не считал п. 6 столь же принципиально значимым для осуществления планов американской дипломатии, как п. 1, 2, 3 и 14³³.

Завершая рассмотрение комментариев Кобба и Липпмана, отметим и ту изложенную ими мысль, что «эвакуация» германских войск с ранее захваченных земель бывшей Российской империи может сопровождаться «большевистскими революциями на территориях всех этих народностей»³⁴. Что, конечно, могло стать серьезным препятствием на пути реализации западной политики.

То, насколько болезненно ощущалась в Европе «большевистская угроза», Э. Хауз прочувствовал сам. В состоявшемся 29 октября разговоре с Д. Ллойд Джорджем и Ж. Клемансо он высказал мысль: выдвижение слишком жестких условий перемирия Германии может породить в ней волну недовольства и, как следствие, «состояние большевизма». Он полюбоществовал у европейских коллег: не заберется ли эта зараза и в их дома, поразив Италию, Францию, Англию? Клемансо считал, что в его стране нет места большевизму. В отношении своей страны британский премьер высказался менее определенно. Но оба сошлись во мнении, что в Италии возможно всё³⁵.

В общем, большевизм следовало останавливать на дальних подступах к сердцу Европы. А для этого надлежало разрушить возможность русско-германского сближения. Эта идея нашла конкретное преломление в Париже в ходе дискуссий о выводе германских войск с оккупированных ими территорий бывшей Российской империи.

При этом лидерам союзных держав и США приходилось учитывать сделанные ими же ранее принципиальные заявления. Требования к Германии оставить захваченные русские территории содержалось в п. 6 программы В. Вильсона³⁶. Как сообщал Т. Блисс в Вашингтон из Парижа, союзники эту линию подтвердили. Их вариант

³³ W. Wilson to E. House. Oct. 30, 1918. — PWW, v. 51, p. 511; Архив полковника Хауза, т. 4, с. 119, 140.

³⁴ Архив полковника Хауза, т. 4, с. 151.

³⁵ E. House to W. Wilson. Oct. 30, 1918. — PWW, v. 51, p. 515–517.

³⁶ Речи Президента Вильсона. Условия всеобщего мира, предложенные Американским Президентом Вильсоном. Речь в конгрессе 8 января 1918 г., с. 8.

условий перемирия предлагал Четверному союзу предпринять «немедленные шаги» по выводу войск с территорий, до войны принадлежавших России и Румынии (п. 7), а также с Кавказа (п. 6)³⁷. Если державы-победительницы хотели продемонстрировать принципиальность, в том числе и русским партнерам по антибольшевистской борьбе, то эта позиция должна была оставаться неизменной.

Союзников и США, однако, одолевали сомнения. Подобно Липпману и Коббу, они беспокоились, что образовавшийся в результате отвода германских войск на запад «вакуум» мог быть энергично заполнен двигавшимися вслед за ними «красными». Добивавшиеся сносных условий перемирия немцы догадывались, какие неприятные мысли посещали противников, и использовали их в своих интересах. 15 октября Р. Лансинг сообщил В. Вильсону о поступившей из Лондона информации, содержавшей перехват послания германского статс-секретаря В. фон Зольфа представителю германского командования в Турции генерал-майору Ф. Крессу фон Крессенштайну. Зольф признавал, что немцам не осталось ничего иного, кроме как подчиниться требованиям победителей. Но он не оставлял надежды, что с выводом германских войск с оккупированных ими земель «пограничных государств на Востоке» (имелся в виду прежде всего Прибалтийский регион) можно было и повременить. Германский политик полагал, что мысль Вильсона о выводе оттуда немецких частей была выражена недостаточно ясно. А потому следовало, наоборот, доказывать западным союзникам, что такая «задержка» и в их интересах и что сами местное население и власти будут возражать против ухода немецких солдат. Только они, считал дипломат, могли стать надежным щитом против большевистской экспансии. Немцы не поленились организовать через скандинавские страны кампанию петиций от населения с просьбой задержать германские войска на занятых ими восточных землях³⁸.

И в то же время у союзных лидеров, не понаслышке знавших о коварстве германской дипломатии, были большие сомнения по поводу искренности намерений Берлина. Набиваясь в «партнеры» западным демократиям в борьбе с «большевизмом», немцы попутно могли решать и иную задачу: укрепить влияние и сохранить военное присутствие на захваченных территориях, замышляя в будущем реванш. А потому С. Соннино на совещании глав союзных правительств, посвященном детальному рассмотрению условий перемирия (1–4 ноября), бросил фразу: «Большевистская угроза — старая германская стратегия, мы не должны попадаться в эту ловушку»³⁹.

Так что задача перед дипломатами и военными стран Согласия и США состояла не из легких: нужно было найти такой компромиссный вариант ее решения, который позволил бы и германские войска для «сдерживания большевизма» временно использовать и в то же время обеспечить гарантию их вывода в нужное для победителей время, не дав немцам закрепиться на захваченных землях. Министр иностранных дел Великобритании А. Дж. Бальфур, более всего озабоченный будущим прибалтийских народов, 2 ноября предложил привлечь к решению вопроса соседние скандинавские страны. Они могли бы отправить в Прибалтику оружие, за которое союзники готовы были заплатить, а также послать туда «полицейские силы». Однако, как казалось Бальфур, скандинавы к идее, чреватой втягиванием в крупный конфликт, отнеслись холодно. Тогда он высказал другую мысль: покидая захваченные земли, немцам следует оставлять треть оружия местным властям для защиты населения от большевиков. Оба предложения были заблокированы французами. Министр иностранных дел С. Пишон и Ж. Клемансо с опаской воспринимали возможность усиления английского влияния в прибалтийских краях. Французам не хотелось портить отношения с русским антибольшевистским движением, которому они из всех союзников наиболее решительно покровительствовали и которое резко негативно относилось

³⁷ T. Bliss to N. Baker and P. March. Oct. 7, 1918 — PWW, v. 51, p. 261–262.

³⁸ R. Lansing to W. Wilson, with enclosure. October, 14, 1918. — PWW, v. 51, p. 345–346; *Thompson J. Op. cit.*, p. 26.

³⁹ *Rudin H. Op. cit.*, p. 294.

к «сепаратистским» устремлениям прибалтийских народов. Наконец, французы резонно не верили в успех сопротивления местных властей и населения наступлению организованных частей Красной Армии, предполагая, что оставленное германское оружие вскоре перейдет в их руки.

Эфемерные схемы отбрасывались. Самым реальным вариантом был тот, что, добиваясь вывода германских войск, союзники и США могли бы обеспечить себе доступ для оказания помощи тем народам и правительствам, которые находились на весьма подвижных границах Советской России и могли стать естественной преградой на пути движения большевизма на Запад. Подписание перемирия с Турцией 30 октября позволяло значительно увеличить поддержку Румынии и антибольшевистских сил на юге России (прежде всего войскам А.И. Деникина). На очереди были поиски путей оказания помощи полякам и прибалтийским народам. В ходе длительной дипломатической кухни уточнялись термины и формулировки (в частности, весьма расплывчатая фраза «германские силы на Востоке» была заменена более точной: «все германские войска, находящиеся на территориях, которые до начала войны были частями Румынии, Турции или России») ⁴⁰. Но окончательный вариант формулировки о выводе германских войск с захваченных ими территорий бывшей Российской империи на предварительном этапе подготовки перемирия союзниками так и не был найден.

Заключение перемирия было ускорено событиями на фронте, где силы антигерманской коалиции 5 ноября прорвали вражескую оборону, а также начавшейся революцией в Германии. После событий в Киле 3–4 ноября она «покатилась» по стране. Как отмечал впоследствии Ф. Шейдеман, их силы были брошены на предотвращение в Германии «кровавой бани». В нараставшей революционной буре «русский след» обозначился вполне определенно – в силу открывшихся фактов «подталкивания» ее действиями полпредства РСФСР во главе с А.А. Иоффе. 9 ноября последовали отречение кайзера и отставка Макса Баденского, передавшего власть правительству социалиста Ф. Эберта. Активность Союза Спартака, сила советов создавали видимость «двоевластия» («как в России»). Но на деле реальной альтернативы реформистам слабые крайне левые создать не смогли ⁴¹.

Тем не менее нарастание революционного кризиса и угроза «большевизации» Германии заставили антантовскую, вильсоновскую и немецкую дипломатии поторопиться с принятием судьбоносных решений. Получив 5 ноября информацию от Хауза, что Высший военный совет Антанты выразил готовность принять «14 пунктов» как основу для перемирия и это решение одобрили главы правительств союзников, Вильсон сделал последний ход. Он переслал германскому правительству это подтверждение стран Согласия, призвав антантовских и германских лидеров к незамедлительному прекращению войны ⁴².

6 ноября германские представители выехали из Берлина, а 8 были приняты делегацией победителей в Компьенский лесу. Главный аргумент немцев в дискуссиях 9–10 ноября, делился Э. Хауз с Вильсоном полученной от маршала Ф. Фоша

⁴⁰ Rudin H. Op. cit., p. 296–297, 299–301; Thompson J. Op. cit., p. 28–29.

⁴¹ Шейдеман Ф. Указ., соч., с. 266–267; Драбкин Я.С. Указ. соч., с. 80–197; История Первой мировой войны. 1914–1918, т. 2, с. 596, и др. Ф. Людендорф писал: «Правительство, как таковое, по-видимому, не заняло никакой принципиальной точки зрения на большевизм... Оно выпустило из исправительного дома Либкнехта; затем созерцало, как Иоффе раздавал в Берлине деньги и воззвания, и подготовлял революцию» (Людендорф Ф. Указ. соч., с. 298).

⁴² Telegram from E. House to W. Wilson. Nov. 5, 1918. – PWW, v. 51, p. 594; From the Diary of J. Daniels. Nov. 5, 1918. – *ibid.*, p. 592; Пруцкер Д.П. Указ. соч., с. 232; Lentin A. Op. cit., p. 12; Trask D. Op. cit., p. 170. Союзники внесли к вильсоновской программе две поправки. Первая касалась вопроса о свободе морей. Вторая поправка распространяла принцип «восстановления» на все «разрушения, причиненные гражданскому населению и их собственности агрессивными действиями Германии на суше, на море и с воздуха» (Никольсон Г. Указ. соч., с. 31).

информацией, был таков: если вы нам не поможете и у нас победит большевизм, то вскоре и вас постигнет та же участь⁴³.

Ф. Фош привел все аргументы членов германской делегации, графа Обердорфа и генерала фон Винтерфельдта, говорившие как об их неподдельном страхе перед распространением большевизма в Германии, так и о желании внушить осознание этой угрозы антантовским военным и сыграть на нем: «Относительно военных пунктов, касающихся выдачи вооружения, они протестуют только против выдачи 30 тыс. пулеметов; их останется недостаточно, чтобы в случае необходимости стрелять по германскому народу.

Действительно, внутреннее положение в Германии очень серьезно. Там происходит революция, страна заражена большевизмом. Необходимо поддерживать в ней порядок. Сами союзники заинтересованы в том, чтобы избежать большевистской заразы, в также в том, чтобы обеспечить платежеспособность своих должников, так как ожидают требования очень крупных репараций. Следовательно, все должны быть заинтересованы в том, чтобы германская армия вернулась в Германию в порядке. А для этого надо удлинить сроки, установленные для эвакуации. Необходимо удлинить их не на несколько дней, а на несколько недель. Наконец, Германии угрожает голод; пункты условий перемирия, касающиеся блокады и железнодорожного подвижного состава, бесчеловечны, так как они парализуют снабжение населения продовольствием и вызовут смерть женщин и детей. Таким образом, надо сохранить Германии армию в полном порядке, чтобы дать ей возможность подавить революцию и надо помочь ей предотвратить голод»⁴⁴.

Фош оценил предостережения немцев. Окончательная формулировка п. 12 перемирия в части, касавшейся России, гласила: «Все германские войска, которые ныне находятся на территориях, составлявших до войны Россию, должны равным образом вернуться в пределы Германии, как только союзники признают, что для этого настал момент, приняв во внимание внутреннее положение этих территорий»⁴⁵.

Было ли появление такого положения неожиданностью для Вильсона и Хауза, не известно. Но, как выяснилось, они были готовы ее принять. 7 ноября 1918 г. Хауз сообщил президенту о предложении правительства Австро-Венгрии задержать вывод частей с территории Украины, которой угрожало распространение большевизма, до момента введения туда союзных войск. При этом советник информировал патрона, что С. Пишон и Ж. Клемансо не склонны были принять этот «жест доброй воли» австро-венгерских властей, видимо, опасаясь подвоха. Хауз же, напротив, готов был воспользоваться предложением, оставив австро-венгерские войска до тех пор, пока «ситуация не прояснится». Вильсон мнение Хауза поддержал⁴⁶.

Условия Компьенского перемирия свидетельствовали, что страны Антанты и США соглашались поддержать находившиеся в «зоне риска» — на границах Советской России правительства и государства. Ст. 16 устанавливала, что «Союзники будут иметь свободный доступ на территории, эвакуированные немцами на восточных границах, либо через Данциг, либо через Вислу, чтобы иметь возможность продовольствовать население и в целях поддержания порядка». Большие возможности для решения той же задачи открывались после прекращения Германией боевых операций на Балтике и в Черном море, дополненные комплексом мер, призванных обеспечить

⁴³ E. House to W. Wilson. Nov. 9, 1918. — PWW, v. 53, p. 5.

⁴⁴ Фош Ф. Указ. соч., с. 497.

⁴⁵ Ключников Ю.В., Сабанин А.В. Указ. соч., т. 2, с. 195. Другим пунктом перемирия, в котором Фош сделал немцам уступку, было количество пулеметов, которые им предстояло сдать; «планка» была снижена с 30 тыс. до 25 тыс. (там же, с. 195).

⁴⁶ Итальянский генерал А. Диас направил австро-венгерские предложения своему военному представителю в Версале, он передал сообщение С. Пишону, а тот информировал Э. Хауза (E. House to R. Lansing. Nov. 7, 1918. — PWW, v. 51, p. 616–617).

свободу действий там военным и торговым судам союзников и присоединившихся держав (ст. 25 и 29)⁴⁷.

Те же пункты перемирия позволяли существенно увеличить поддержку западными державами антибольшевистских сил, действовавших на Северо-Западе и на Юге России. Едва ли создатели перемирия могли не учитывать того позитивного отклика, который нашел и у их русских партнеров по антибольшевистской коалиции пункт об отказе от грабительского Брест-Литовского мирного договора (ст. 15). Союзники и США требовали передачи им всех русских военных судов, захваченных немцами в Черном море (ст. 29). Также в документе содержалось требование возвращения русского золота, взятого немцами или им переданного (ст. 19). Оно должно было содержаться на хранении у союзников до подписания мира⁴⁸.

Означало ли это, что союзники и США собирались передать его России, приобщив ее к процессу мирного урегулирования; что может встать вопрос о компенсациях за нанесенный ей Германией и ее союзниками ущерб (статья о «русском золоте» входила в раздел «Финансовые положения», в котором прямо говорилось о «возмещении убытков» пострадавшим странам). Лидеры Держав, думается, держали в уме, что этот вопрос русские антибольшевистские силы, одолев они «товарищей» в страшной междоусобице, будут ставить.

Другое дело, что в тексте перемирия эта тема если и звучала, то крайне неопределенно. После ослабления вслед за Февральской 1917 г. революцией военных усилий России в результате развивавшегося внутривосточного кризиса и поисков социалистами Петросовета «мира без аннексий и контрибуций», после захвата власти большевиками и «предательства Бреста», фактически аннулировавшего связывавшие союзников и Россию обязательства, страны Согласия могли отвергнуть любые претензии.

Однако хитроумные западные политики в октябре – ноябре 1918 г. ожесточать русских партнеров по антибольшевистской коалиции не хотели. Перспектива их победы в Гражданской войне выглядела туманной (хотя главные сражения были еще впереди). А вот отношения антибольшевистских сил с западными державами после завершения мировой войны не могли качественно не измениться. До ноября 1918 г. противники большевиков в России считали себя не только истинными патриотами, но едва ли не участниками антигерманской коалиции, которые сражались с вступившими в сговор с немцами и предавшими интересы Отечества «красными», подписавшими постыдный Брестский мир. После фактического признания Германией своего поражения и устранения Бреста эти доводы прекращали работать. Наоборот, обострялись вопросы правомерности иноземной интервенции в России, возможных форм поддержки западными державами русских антибольшевистских сил. Прагматичные западные лидеры, писавшие пункты перемирия, избирали верный путь: наблюдать за событиями в России в надежде, что в недалеком будущем, может быть еще до подписания мирного договора с Германией, ситуация в охваченной смутой России станет более понятной и можно будет принимать взвешенные и ответственные решения.

Подводя итоги, скажем: во время подготовки и подписания Компьенского перемирия определились те острые сюжеты «русской темы», которые несколько месяцев спустя, на мирной конференции, вызвали живую полемику. Комментарии У. Липпмана и Ф. Кобба к «14 пунктам» показали, что даже среди американских политиков и экспертов не было единого мнения по важнейшему вопросу о сохранении территориальной целостности России. Это, по существу, подтвердили и размышления самого президента, в послании госсекретарю Р. Лансину 20 ноября 1918 г., задававшемуся вопросом: реально ли допустить на мирную конференцию представителей Омского

⁴⁷ Ключников Ю.В., Сабанин А.В. Указ. соч., т. 2, с. 196–197; Системная история международных отношений. 1918–2000. М., 2000, т. 2, с. 22–23.

⁴⁸ Ключников Ю.В., Сабанин А.В. Указ. соч., т. 2, с. 196; Системная история международных отношений, т. 2, с. 21–23.

правительства, учитывая «нынешнее, по крайней мере, временное расчленение России на пять частей – Финляндию, Балтийские провинции, Европейскую Россию, Сибирь, Украину?»⁴⁹.

Уже во время обсуждения условий перемирия дипломаты стран Антанты, с учетом колебаний американцев, не преминули в этом вопросе обозначить свои интересы. Благоволивший Польше и видевший в ней форпост французского влияния у границ Советской России, клином вбитый между ней и Германией, Пишон зондировал почву для восстановления «старой Польши» в границах 1772 г. Это вызвало весьма негативную реакцию Бальфура, понимавшего, что подобный подход имел мало общего с идеей «самоопределения наций». Англичанин отметил, что в 1919 г. едва ли имело смысл воссоздавать Польшу в границах конца XVIII в., когда она включала и земли других народов. Впрочем, он назвал проблему границы Польши «крайне сложной», и предложил отложить дискуссию до мирной конференции. Со своей стороны Бальфур привлек внимание к проблеме будущего народов прибалтийского региона, латышей и эстонцев, «воодушевленных идеей достижения автономии»⁵⁰. Неудивительно, что на мирной конференции тема целостности Российского государства стала одной из остро дискуссионных.

В статьях перемирия уже читалось стремление держав-победительниц окружить Советскую республику по периметру ее границ на огромном пространстве – от Балтийского моря до Черного и Каспийского морей – поясом враждебных ей государств и правительств. Эта идея также получила развитие в Париже в 1919–1920 гг.

Отметим в этой связи, что германские войска достаточно быстро покинули территории Румынии, Польши, значительной части Белоруссии и Украины, а также Крыма. Думается, многим немецким солдатам, мечтавшим поскорее вернуться домой, не нравилась перспектива оставаться на чужих, нередко охваченных гражданской войной землях и подвергать свои жизни риску. Берлин, без сомнения, учитывал эти настроения и руководствовался прежде всего своими расчетами. Тем более что национальные правительства ряда стран делали всё возможное, чтобы усилить собственные армии. Пример возрожденной Польши в этом плане показателен⁵¹. В Прибалтике же, учитывая шедшую там Гражданскую войну, вмешательство в события «Советов», весьма эффективное участие в борьбе с ними германских войск, они «задержались» до конца 1919 г.⁵²

Заключение перемирия с немцами, «освободившее» войска стран Антанты и США от тяжелой и кровавой работы, вполне могло подтолкнуть западные державы к более широкому участию в интервенции в России. Не случайно В.И. Ленин выделил завершение мировой войны как один из наиболее критических моментов в истории Гражданской войны, когда стоял вопрос о самом существовании Советской республики: «Если бы в то время Антанта, ненавидя нас так, как только может ненавидеть

⁴⁹ W. Wilson to R. Lansing. Nov, 20, 1918. – PWW, v. 53, p. 136.

⁵⁰ Rudin H. Op. cit., p. 299–300, 312.

⁵¹ На заседании, состоявшемся во время работы мирной конференции не позднее 19 сентября 1919 г., в присутствии Ж. Клемансо, Д. Ллойд Джорджа, Ф. Фоша, генерала Вейгана, помощника госсекретаря США Ф. Полка премьер-министр Польши И. Падеревский предложил конференции использовать для борьбы с большевиками 545-тысячную польскую армию. Он рассчитывал, что ее численность можно было еще более увеличить, а западные державы согласятся оплатить предприятие (см.: The meeting in Mr. Clemenceau's room at the War Office reported in Mission's No. 4273 of September 19th 6 p.m. was continued in the afternoon. – T. Bliss Collection, box 245. F.: State Department. Cablegrams copies, Sept. – Oct. 1919. Library of Congress, Washington, D.C.).

⁵² Фоглесонг Д. Соединенные Штаты, проблема самоопределения наций и борьба против большевиков в Прибалтике. 1918–1920. – Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998, с. 614–617; Листиков С.В. США, союзники и «прибалтийская проблема» в контексте «русского вопроса» на Парижской мирной конференции. – Актуальные проблемы истории Первой мировой войны. М., 2014, с. 243–280.

социалистическую революцию буржуазия, — отмечал он, — если бы она смогла сколько-нибудь успешно хотя бы десятую часть своих армий бросить против нас, нет ни малейшего сомнения, что судьба Советской России была бы решена и ее постигла бы участь Венгрии»⁵³.

Однако в силу различных обстоятельств в 1919 г. произошло как раз обратное, иноземная интервенция стала «выдыхаться». Ведущие либеральные политики — В. Вильсон, Д. Ллойд Джордж, военные вроде Т. Блисса, Н. Бейкера добивались вывода западных войск из России. Но на Парижской мирной конференции им пришлось преодолеть серьезное противодействие сторонников «хирургического» устранения большевиков в лице Ф. Фоша и британского военного министра У. Черчилля⁵⁴.

Если русские не принимали участия в разработке условий перемирия, то это не предвещало им ничего хорошего и в дипломатической борьбе за полноправное представительство на будущей мирной конференции. Хотя было сделано всё возможное, чтобы оно состоялось (создание в Париже Русского политического совещания в конце 1918 — начале 1919 гг.)⁵⁵. Но западные лидеры — Ж. Клемансо, В. Вильсон, Д. Ллойд Джордж оставили русских в роли своих неформальных советников. Что было воспринято многими из них как оскорбление. 16 мая 1919 г. в Париже прозвучала декларация видных представителей умеренного крыла русской социал-демократии — Н.Д. Авксентьева, А.Ф. Керенского, В.М. Зензинова и ряда других: «Уже полтора года, как Россия находится в состоянии анархии, терзаемая безжалостной Гражданской войной... Одна только Россия обречена на молчание. Ее нет ни среди победителей, ни среди побежденных. Можно думать, что она не принимала никакого участия в великой войне, можно думать, что два с половиной миллиона лучших ее сыновей не похоронены на общем поле битвы»⁵⁶.

⁵³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 389. События, казалось, могли развиваться именно по такому сценарию. В середине ноября 1918 г. в Черное море вошел флот для проведения десантной операции союзников на Юге России. В течение ноября—декабря были захвачены Одесса, Севастополь, Новороссийск, Николаев и другие города. В интервенции приняли участие французские, греческие, сербские, польские части, их численность достигала 60 тыс. человек (общее руководство осуществлял французский генерал А. Бертелло). Поражения войск Антанты и их разложение под влиянием большевистской пропаганды принудили вывести их весной 1919 г.

⁵⁴ См.: Mayer A. Op. cit., p. 451–459, 830–835; Thompson J. Op. cit., p. 98–99, 181–202, 212–221, etc.

⁵⁵ Листиков С.В. Мир без России: представительство белого движения на Парижской мирной конференции. — Вестник МГИМО—Университета, 2009, № 1, с. 15–30.

⁵⁶ Декларация Керенского и Авксентьева. 16 мая 1919 г. Перепечатано из журнала «Великий Океан», № 2–3, 31 окт. 1919 г., г. Владивосток. — ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 205, л. 58.